

И.В. Приорова

ОБ ЭСТЕТИКЕ, НОРМЕ И СИСТЕМЕ ЯЗЫКА:
ДИСКУССИЯ БЕЗ ПРОТИВОРЕЧИЙ
В КРАТКОМ ИЗЛОЖЕНИИ ТРЕХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
КОНЦЕПЦИЙ XX ВЕКА

Рассматриваются вопросы эстетики, нормы и системности языка в лингвистике XX века. Проведен сопоставительный анализ лингвистических концепций К. Фосслера, Э. Косериу и Р.А. Будагова в контексте осмысления эстетической функции языка в XX в. Выявлены точки схождения и расхождения в концепциях троих лингвистов. Приведены основные положения открытой дискуссии Р.А. Будагова с Э. Косериу по вопросу взаимодействия языка и социальной реальности. Особое внимание уделено вопросу изменений языка в зависимости от различных условий. Установлено, что прогнозы по этим вопросам актуализируются особенно жестко в периоды серьезной перезагрузки коммуникативного пространства. Выявлено, что изменение нормативной основы является неизбежным процессом для любого национального языка и четко прослеживается на функциональном уровне. Сделан вывод о том, что механизмы изменения нормы не зависят от признания или непризнания системности языка и его уровней, но строго соотносятся с эстетической функцией.

Ключевые слова: система, норма, эстетический идеализм, эстетические ресурсы, динамичность языка, язык-знак, язык-внушение, равновесие системы, языковые навыки, эстетический маркер.

I.V. Priorova

ABOUT AESTHETICS, NORM AND SYSTEM OF LANGUAGE:
DISCUSSION WITHOUT CONTRADICTIONS
IN BRIEF STATEMENT OF THREE LINGUISTIC
CONCEPTS OF THE XX CENTURY

The issues of aesthetics, norms and systemic character of language in linguistics of the XX century are considered. A comparative analysis of the linguistic concepts of K. Vossler, E. Coseriu and R.A. Budagov in the context of comprehending the aesthetic function of language in the XX century. The points of convergence and divergence in the concepts of three linguists have been identified. The main provisions of the open discussion of R.A. Budagov with E. Coseriu on the interaction of language and social reality. Particular attention is paid to the issue of language changes depending on various conditions. Forecasts on these issues are updated especially hard during periods of a serious reboot of the communicative space. Changing the regulatory framework is an inevitable process of any national language and is clearly visible at the functional level. Therefore, the mechanisms for changing the norm do not depend on the recognition or non-recognition of the systemic nature of the language and its levels, but strictly correlate with the aesthetic function.

Keywords: system, norm, aesthetic idealism, aesthetic resources, dynamism of language, language-sign, language-suggestion, system balance, language skills, aesthetic marker.

Вводные замечания

Непрерывность языкового развития отражается в изменениях научных парадигм. В лингвистических прогнозах уделяется большое внимание вопросам нормы в динамике языковых преобразований. Норма и системность языка остаются ключевыми понятиями дискуссий между разными научными направлениями и лингвистическими школами. Антропоцентрическая парадигма в языкознании, «которая пришла на смену формальному описанию языка, существенно расширила границы его изучения: системно-структурная организация языка «ожилла» и «очеловечилась», стала более <...> интересной для исследований» [5, с. 87]. Идеи К. Фосслера [7], Э. Косериу [2] и Р.А. Будагова [1], которые отличаются оригинальностью и на первый взгляд кажутся несовместимыми, дополняют друг друга и в совокупности «транслируют многомерность» языка через «непрерывное дыхание времени» [5, с. 87]. В этой статье мы в формате дискуссии представили взгляды троих ученых на «суть языка и тенденции его развития» [4, с. 189] на примере решения вопроса об «эстетике» нормы и ее роли в языковых изменениях.

Изменение нормативной основы является неизбежным процессом любого национального языка и четко прослеживается на функциональном уровне. *Новизна* нашего исследования заключается в сопоставлении трех независимых лингвистических концепций. Рассматриваемые проблемы соотношения системы и нормы, эстетики языка и языковой формы не утрачивают своего значения в периоды перезагрузки коммуникативного пространства, что определяет *актуальность* нашей статьи. Обращение к формату дискуссии без противоречий мотивировано тем, что использование разных подходов очень по-

лезно для исследования актуальной проблемы дня. Исследование осуществлено на *материале* наших предыдущих работ об эстетической функции языка, поскольку эта функция касается и грамматической системы тоже. *Предметом* исследования является сопоставление теории «эстетического идеализма К. Фосслера» [3, с. 296, 315, 327], в которой оригинально и неоднозначно представлен грамматический аспект, с более поздними теориями, что позволит оценить ее значение сегодня.

В ходе исследования мы использовали описательный метод, включающий прием интерпретации, и метод анализа и синтеза на основе сопоставления и обобщения, поскольку теория вопроса раскрывается с разных сторон: 1) структуры и нормы; 2) стилистики определенной эпохи; 3) в сравнении с другими концепциями. Обобщая взгляды троих выдающихся лингвистов XX в., мы руководствовались тем, что в XXI в. объективные закономерности в самоорганизации языковой системы так или иначе соотносятся с неизбежными объективными процессами изменения нормативной основы русского литературного языка, которые разрушили устоявшийся эталон XX в. и изменили эстетику речи.

Эстетика и поэтичность языка проявляются лишь в процессе его функционирования. Носители языка, рефлекторно используя его многомерные выразительные ресурсы, так или иначе участвуют в творческом процессе. В благоприятные периоды, когда литературный язык повсеместно используется как языковой стандарт для большинства (например, в России 1950–1980 гг.), всегда находились те, кто расширял рамки стандарта. Постепенно такое изменение переходило в «массовое новаторство», способствуя обновлению языковых ресурсов и изменению эталона.

Общие вопросы языкознания

Если язык и культура взаимообусловлены, то эстетическая (поэтическая) функция языка не может быть факультативной по отношению к другим функциям, например коммуникативной, кумулятивной и когнитивной. Если последние обуславливают влияние языка на культуруформирующий и социорегулирующий механизмы общества, необходимые для развития социальной истории цивилизации, то при осуществлении эстетической функции язык транслирует изменения социокультурного порядка, определяющие духовный рост цивилизации.

Концепция эстетического идеализма

К. Фосслера

Концепция немецкого филолога Карла Фосслера (1872–1947) традиционно считается альтернативой сравнительно-историческому языкознанию. Основная идея сводится к тому, что любое языкознание должно быть эстетическим, а не историческим, и здесь возникают некоторые противоречия у самого К. Фосслера на фоне рассуждений на ту же тему В. фон Гумбольдта, но это уже отдельная тема. Истоки концепции заложены в философии Г. Гегеля и в трудах неогегельянца Б. Кроче. Если последний, отводя ведущую роль в процессе познания интуиции, считал, что она получает свое развернутое воплощение в бесконечном множестве произведений искусства и составляет эстетику языка, то К. Фосслер и вовсе утверждал, что интуиция и эстетический вкус определяют структуру языка. В своих программных исследованиях «Позитивизм и идеализм в языкознании» (1904), «Язык как творчество и развитие» (1905), «Дух и культура в языке» (1925) К. Фосслер приходит к выводу, что эстетика – это наука о выражении духа, интуиции, а язык – это духовное самовыражение. Таким об-

разом, история языка – это история форм духовного выражения, история искусства. Грамматика же, входя в состав филологии, является частью истории стилей или литературы, поскольку в ней отражается всеобщая духовная история. По К. Фосслеру, главной задачей языкознания становится познание духа – единственной действующей причины существования и изменения всех языковых форм. Всякое изменение и развитие являются продуктом вкуса или эстетического чувства говорящего лица, при этом эстетический механизм может оставаться глубоко скрытым: «Идея языка есть поэтическая идея, истина языка есть поэтическая истина, осмысленная красота» [7, с. 167].

К. Фосслера неслучайно считают основоположником современной стилистики: «Все лингвистические дисциплины он рассматривал как придаток стилистики» [4]. Он считал ее частью эстетики и царицей филологии. Однако в своих трудах ученый так и не пояснил, чем стилистика в его понимании отличается от эстетики. Установить эти отличия, как нам представляется, можно только через его понимание изменчивости языка. К. Фосслер рассматривал изменения языка как результат индивидуального (абсолютный прогресс) и коллективного (относительный прогресс) духовного творчества. Это соотносится с его пониманием внутренней формы языка как «лингвистического вкуса» или «лингвистического чувства» [4, с. 191]. На вопрос, кто является творцом языка – индивид или народ, ученый отвечал однозначно: только личность как разносторонняя величина творит язык (ср.: языковая личность, говорящая личность), но не абстрактный индивид. Однако впоследствии под влиянием социологических идей он признал, что язык немислим без множества личностей и их общности. Приоритет эстетики в язы-

ке К. Фосслер объяснял тем, что эстетическое начало господствует во всех изящных искусствах: в танце – язык жестов, в музыке – тонов, в живописи – красок и линий, в архитектуре – твердых тел, значит, язык всех языков – это поэзия. Современное языкознание признает все эти сферы только как вторичные, а поэтичность языка – как одну из его функций. Однако нельзя не согласиться с тем, что поэты – это художники, которым дано извлекать «из языков народа язык сердца». Обыденная речь не так важна с точки зрения искусства, но «мы порождаем словесные образы, мы все тоже являемся поэтами и художниками, правда, в обыденной жизни – весьма незначительными, посредственными, отрывочными и неоригинальными художниками. Наша обыденная речь не стоит того, чтобы ее подвергали анализу в качестве поэзии или искусства. Но крошечная словесная капля какого-нибудь болтуна <...> в конечном счете проистекает из того же источника, как бесконечный океан какого-нибудь Гете или Шекспира» [7, с. 167].

В вопросе изменчивости языка К. Фосслер последовательно придерживается своих стилистических приоритетов безотносительно к языковой системности. Нарушение нормы в языке «он объясняет тем, что изменение понятий и формы слов начинается в стилистически маркированном контексте» [4, с. 192]. В работе «Грамматика и история языка» (1910) К. Фосслер писал: «Каждая форма языка подчинена законам природы, всякое произвольное вмешательство есть глупость или болезнь. Но, значит, глупостью и произвольностью отличается, прежде всего, сама академическая грамматика. Истинная грамматика представляет собой *закон природы*, ей не нужны никакие академические наставления» [7, с. 161]. Значит ли это, что язык не нуждается в норме, и ему не нужна

правильность? Или это касается исключительно речи? К. Фосслер рассуждает так: «предикаты истинного и правильного, стало быть, относятся друг к другу так, что при максимуме правильности достаточен минимум истины, а минимум правильности способен охватить максимум истины. <...> В грамматике господствует *лингвистическая правильность*. Ни одна разумная грамматика не поднимает вопроса о *лингвистической истине*» [7, с. 164]. Если правильность, по К. Фосслеру, является внешней составляющей истинного в языке (экономической или технической) и не является собственно лингвистической истиной, то это снижает значимость нормы в языке, а следовательно, выявляет ее относительность, необязательность, что трудно совмещается с выдвинутой концепцией эстетики языка.

Вероятно, здесь следует сослаться на то, что «изменения нормы в языке начинаются со свободы выбора, которая существует между рекомендательным характером академической грамматики, критикуемой Фосслером, и внутренним чутьем носителя» [4, с. 191]. Это говорит прежде всего о том, что понятие «истинности» в языке весьма условно, а предпочтения появляются при естественном переходе бессознательного в сознательное. Слово реализует свои формальные варианты при переходе из языка в речь как результат взаимодействия языка и мышления. Если оно обладает ассоциативной вариативностью, то его семиотическая природа активизируется в линейной комбинаторности.

*Синхрония, диахрония и история языка
в трудах Э. Косериу*

Выдающийся лингвист Эуджен Косериу (1921–2002) считается последователем Ф. де Соссюра, хотя он создал собственную оригинальную теорию. Его известная ра-

Общие вопросы языкознания

бота «Синхрония, диахрония и история» посвящена непосредственно проблеме языкового изменения. По мнению автора, данная проблема содержит глубокое противоречие. Как он считает, это отнюдь не порочный круг, поскольку термин «язык» понимается в одном случае как «знание», «языковой капитал», а в другом – как конкретное проявление этого знания в процессе говорения. Э. Косериу предлагает «встать на почву речи», так как только через нее можно охватить одновременно речь и язык: «Язык дан в речи в то время, как речь не дана в языке» [2, с. 20]. Утверждать же, что речь – это «бессознательная» деятельность и говорящие «не осознают» норм языка, на котором они говорят, нельзя. Ученый считает это утверждение ошибочным, поскольку «непатологическая деятельность бодрствующего сознания не бывает и не может быть бессознательной» [там же, с. 38]. По Э. Косериу, эстетика системы языка охватывает идеальные формы реализации конкретного языка (технику) и эталоны для соответствующей языковой деятельности. Норма включает в себя исторически уже реализованные с помощью этой техники модели. Следовательно, через систему выявляются динамичность языка и его способность выходить за пределы уже реализованного, а норма соответствует фиксации языка в традиционных формах: «именно в этом смысле норма в каждый данный момент представляет синхронное (“внешнее” и “внутреннее”) равновесие системы» [там же, с. 37].

Понимание системы языка не может быть однозначным, какой бы привлекательной ни была идея «эстетики системы», ей всегда находится альтернатива. Так, известный русский ученый Рубен Александрович Будагов (1910–2001) считал, что «систему ни понять, ни описать невозможно без опоры на элементы и категории, ее состав-

ляющие и ее формирующие. Без взаимодействия частей и целого не может быть и целого, и системы» [1, с. 51]. Р.А. Будагов исследовал самобытность языков через диахронические преобразования в социуме. В XX в., до распространения интернета, роль социальной среды, стимулирующей языковые изменения, оценивалась с разных сторон. Вне интернет-коммуникации многое выглядело иначе, чем сегодня. Сравнивая лишь некоторые взгляды по ключевым вопросам языкознания, можно увидеть точки «схождения»/«расхождения» и оценить жизнеспособность теоретических прогнозов в действительности.

*Открытая дискуссия Р.А. Будагова
с Э. Косериу*

Р.А. Будагов развернул данную дискуссию в работе «Язык и речь в кругозоре человека». Он признавал, что на современном этапе (XX в.) обнаруживается причудливое сочетание двухнесовместимых принципов: язык «сам в себе и для себя» и язык в социуме (социолингвистика). Если социальное понимать как социальную природу самого языка, его внутреннюю сущность, то эти принципы действительно не совместимы. Если же, по мнению Р.А. Будагова, «социальное сводить только к внешним условиям бытования языка, а сам язык рассматривать как замкнутую структуру» [1, с. 59], то эти принципы оказываются вполне совместимыми. Размышляя о своеобразии отдельного языка и его эстетической «наполняемости», ученый отмечает, что «наряду с общей соотносительностью языка и действительности, у каждого языка есть еще и дополнительные признаки, как бы конкретизирующие подобную соотносительность» [там же, с. 60], а «расхождения между языками, в том числе и родственными, явление совсем иного рода, чем отношения каждого языка к реальности» [1, с. 61].

Если реальность эстетична, то активизируются эстетические ресурсы системы, поэтому «специфику языка надо искать не в изоляции языка от реальности, а в характере и особенностях взаимодействия между языком и реальностью» [там же, с. 78]. Р.А. Будагов подчеркивал: «Каждый живой язык, завися от реальности, вместе с тем подобную зависимость может выражать и так, как другие языки, и не так, как другие языки, своеобразно, по-своему. Поэтому никак нельзя согласиться с Косериу, будто бы грамматическая идиоматика преграждает путь языку к реальности» [там же, с. 61].

К. Фосслер и Э. Косериу оба признают, что говорящие владеют языковым инструментом, поэтому могут сохранять или не сохранять норму и творить в рамках системы. Они сходятся в том, что в качестве «передаваемого знания (а не просто сугубо личного “навыка”) знание языка есть факт культуры» [2, с. 140] без знаковости. Р.А. Будагов видит в этом противоречие, потому что система не может обойтись без категории знаковости: «Хотя все национальные языки оперируют и в лексике, и в грамматике двусторонними единицами, в самой этой двусторонности может выделяться либо категория значения, либо категория знаковости» [1, с. 125]. Как же быть с эстетикой системы языка (по Э. Косериу), которая охватывает идеальные формы реализации конкретного языка «в эпоху научно-технической революции» [там же], когда «сам язык превращается в чисто техническое средство, в “язык-знак”»? Р.А. Будагов отрицает эстетическую идеализацию системы языка: «Он только называет, только утверждает или отрицает, избегает всяких “сантиментов”, стремится быть точным и лаконичным. “Язык-знак” вытесняет “язык-внушение”» [там же].

Индивидуальный и системный характер изменений языка

«Эстетика» К. Фосслера перетекает в «культуру» Э. Косериу, поскольку в их представлении в реальном языке совпадают системное, культурное, социальное и историческое: «В самом деле, человек обладает не только знанием о вещах через посредство языка, но и знанием самого языка. В этом смысле культурный аспект языка – это сам язык как совокупность языковых навыков» [2, с. 41]. В отличие от них, у Р.А. Будагова «сталкиваются две противоположные тенденции: одна из них, упрощая язык, движет его по направлению к “языку-знаку”, другая, обращая внимание на способ выражения мыслей и чувств людей, <...> влечет язык по направлению к “языку-внушению”» [1, с. 125]. «Индивидуальный язык» (по Э. Косериу) соотносится с «разносторонней личностью» К. Фосслера. Однако Э. Косериу подчеркивает, что язык не может быть строго индивидуальным, поскольку «язык – это условие или инструмент языковой свободы, понимаемой как историческая свобода, а инструмент, которым пользуются, – это не тюрьма и не оковы» [2, с. 48].

Если язык – это инструмент особой природы, «система возможностей», то он является «также инструментом для преодоления самого себя» [там же, с. 49], а факторы его изменения присутствуют в нем самом. Если изменение подразумевает появление нового элемента в языке, то в данном состоянии языка для этой инновации должны быть найдены условия, благоприятные для ее межиндивидуального принятия. Эти условия изменения носят исключительно культурный и функциональный характер и могут быть обнаружены в любом состоянии языка. Язык – это умение творить, он изменяется именно как знание,

Общие вопросы языкознания

но, как подчеркивает Э. Косериу, он также является совокупностью системных особенностей и способен изменяться только системно. По этому вопросу взгляды К. Фосслера и Э. Косериу не совпадают. Последователь Ф. де Соссюра, Э. Косериу не смог отказаться от того, что «если в любом состоянии языка можно обнаружить систему, то значит, язык является системой в любой момент, то есть он эволюционирует как система» [2, с. 81]. Здесь Э. Косериу ближе к Р.А. Будагову, но далее добавляет, что «изменения проявляются в синхронии с точки зрения культуры в “спорадических” формах, в так называемых типичных ошибках по отношению к установленной норме и в иносистемных особенностях, наблюдаемых в речи» [там же, с. 82]. Благоприятными для изменения языка он считает «разнообразие (региональное или социальное) языковых навыков – в пределах одного и того же исторического языка – и слабость этих навыков в эпоху культурного упадка или в социальных группах низкой культуры» [там же]. Утверждение Э. Косериу о том, что изменения в языке – это не «искажение» или «повреждение», а восстановление, обновление системы, которое обеспечивает непрерывность ее функционирования, говорит в пользу относительности нормы в «системе возможностей» языка. Именно благодаря этому система сохраняется до тех пор, пока не произойдет «мутация», «полный переворот нормы в том или ином направлении» [там же, с. 205].

*Система возможностей
и процесс изменения языка*

Признание или непризнание «системы возможностей», по мнению Р.А. Будагова, соотносится с тем, что «среди очень пестрых грамматических теорий можно выделить две основные противополож-

ные теории (субстанциональную и анти-субстанциональную). Субстанциональная теория исходит из убеждения о наличии реальной материи любого естественного языка, из убеждения во взаимодействии языка и мышления, формы и содержания (в широком смысле). Антисубстанциональная теория, напротив, рассматривает язык “как знаковую систему”» [1, с. 172]. В работе Э. Косериу, в большей степени отражающей субстанциональность, встречается очень «модный» сегодня термин *инновация*: «Все то, в чем сказанное говорящим (рассматриваемое с точки зрения языковых закономерностей) отклоняется от моделей, существующих в языке, может быть названо *инновацией*. Допущение инноваций со стороны слушающего в качестве модели для дальнейших высказываний можно назвать принятием» [2, с. 54]. Таким образом, по Э. Косериу, инновация подразумевает преодоление языка, а принятие – приспособление языка, а точнее, языковых навыков для преодоления его самого; это не механическое воспроизведение, это всегда выбор. Следовательно, «принятие» – это акт, определяемый культурой, вкусом, практическим разумом, который К. Фосслер считал внутренним чутьем, заменяющим академические предписания. Именно в этом признании первичности эстетики в процессе изменчивости языка косвенно сближаются взгляды К. Фосслера и Э. Косериу. Однако Р.А. Будагов также не отрицал роль личности в развитии языка, считая, что на изменчивость языка влияет индивидуальность носителя, который осваивает потенциал системных ресурсов: «Сила человека в его универсальности. Следует сказать и о человеческом языке» [1, с. 166].

Заключение

К. Фосслер, Э. Косериу и Р.А. Будагов рассматривали вопрос изменчивости язы-

ка через норму, поскольку именно она воспроизводит потенциальные возможности языковой системы, давая ей эволюционировать. Следовательно, «с точки зрения языковых навыков постоянно наблюдается несоответствие между знанием системы и знанием нормы» [2, с. 98].

Если «знание нормы означает более высокую ступень культуры» [там же] человека, то оно должно стимулировать развитие более высокого уровня культуры общества в целом.

Эволюционирующая система в условиях данной закономерности не может обойтись без нормы, так как норма постоянна в своей изменчивости. Выполняя роль эстетического маркера, она функционирует и как комбинаторная, и как вариативная единица языка.

Таким образом, эстетичность языка (К. Фосслер), активно меняющуюся под давлением современной интернет-коммуникации, следует рассматривать как очередной этап совершенствования языка (Р.А. Будагов), что позволит в динамике нового времени оценить языковые преобразования в единстве системы и нормы (Э. Косериу).

Подобные сопоставления не очень «модных» и незаслуженно забытых теоретических разработок очень перспективны. Анализ прогнозов из прошлого, согласно которым происходящие языковые преобразования открывают новые возможности современного коммуникативного пространства на очередном этапе его перезагрузки, многое объясняют в современном состоянии языка.

Литература

1. Будагов Р.А. Язык и речь в кругозоре человека. М.: Добросвет, 2000. 304 с.
2. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история: проблема языкового изменения / пер. с исп. И.А. Мельчука. 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2001. 204 с.
3. Приорова И.В. Взаимодействие парадигматики и синтагматики в русском языке (на примере свойств и функций несклоняемых имен): дис. ... докт. филол. наук. Астрахань: Астраханский государственный университет, 2011.
4. Приорова И.В. К вопросу об эстетике слова и креативе мысли: от Пушкина до... // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка: сб. мат. Всерос. конф., посвящ. 115-летию со дня рождения И.А. Фигуровского (Елец, 20–22 ноября 2014 г.). Елец: Изд-во Елецкого государственного ун-та им. И.А. Бунина, 2014. С. 189–194.
5. Приорова И.В. Р.А. Будагов о структуре, норме и эстетике языка в диалоге с Э. Косериу и К. Фосслером // Текст, структура и семантика: сб. ст. М.: Редакционно-издательский дом РосНОУ, 2017. С. 87–96.
6. Приорова И.В. Стилистика в концепции эстетического идеализма XX века // Стилистика сегодня и завтра: материалы IV Междунар. науч. конф. М.: Изд-во ф-та журналистики Московского государственного ун-та имени М.В. Ломоносова, 2016. С. 474–478.
7. Фосслер К. Грамматика и история языка: к вопросу об отношении между «правильным» и «истинным» в языковедении // Логос. Международный ежегодник по философии культуры. 1910. Кн. 1. М.: Типография «Русского Товарищества печатного и издательского дела». С. 157–170.

Literatura

1. Budagov R.A. Yazyk i rech' v krugozore cheloveka. M.: Dobrosvet, 2000. 304 s.
2. Koseriu E. Sinkhroniya, diakhroniya i istoriya: problema yazykovogo izmeneniya / per. s isp. I.A. Mel'chuka. 2-e izd., ster. M.: Editorial URSS, 2001. 204 s.

3. *Priorova I.V.* Vzaimodejstvie paradigmтики i sintagmatики v russkom yazyke (na primere svojstv i funktsij nesklonyaemykh imen): dis. ... dokt. filol. nauk. Astrakhan': Astrakhanskij gosudarstvennyj universitet, 2011.
4. *Priorova I.V.* K voprosu ob estetike slova i kreative mysli: ot Pushkina do... // Aktual'nye problemy sovremennogo yazykoznanija i metodiki prepodavaniya yazyka: sb. mat. Vseros. konf., posvyashch. 115-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Figurovskogo (Elets, 20–22 noyabrya 2014 g.). Elets: Izd-vo Eletsogo gosudarstvennogo un-ta im. I.A. Bunina, 2014. S. 189–194.
6. *Priorova I.V.* R.A. Budagov o strukture, norme i estetike yazyka v dialoge s E. Koseriu i K. Fosslerom // Tekst, struktura i semantika: sb. st. M.: Redaktsionno-izdatel'skij dom RosNOU, 2017. S. 87–96.
5. *Priorova I.V.* Stilistika v kontseptsii esteticheskogo idealizma XX veka // Stilistika segodnya i zavtra: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. M.: Izd-vo f-ta zhurnalistiki Moskovskogo gosudarstvennogo un-ta imeni M.V. Lomonosova, 2016. S. 474–478.
7. *Fossler K.* Grammatika i istoriya yazyka: k voprosu ob otnoshenii mezhdu "pravil'ny'm" i "is-tinnym" v yazykovedenii // Logos. Mezhdunarodnyj ezhegodnik po filosofii kul'tury. 1910. Kn. 1. M.: Tipografiya "Russkogo Tovarishchestva pechatnogo i izdatel'skogo dela". S. 157–170.

По трагическому стечению обстоятельств эта статья стала последней научной работой Валентины Алексеевны Ленинцевой, ушедшей из жизни в январе 2021 г. Валентина Алексеевна – кандидат культурологии, доцент, один из известнейших в нашей стране преподавателей китайского языка и культуры. В течение восемнадцати лет она заведовала кафедрой китайского языка Забайкальского государственного университета. Переехав в Москву, В.А. Ленинцева преподавала китайский язык в ведущих вузах столицы. При ее активном участии были заложены фундаментальные основы китаистики в Российском новом университете. В предлагаемой вниманию читателей статье отражен взгляд В.А. Ленинцевой на язык, преподавание которого стало главным делом ее жизни.

DOI: 10.25586/RNUV925X.21.01.P.018

УДК 811.581:39

В.А. Ленинцева, М.В. Тохта-Ходжаева

ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНСТРУМЕНТА ВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Проведен анализ особенностей китайского языка с целью более глубокого понимания принципов языкового общения. Кратко охарактеризованы фонетические, лексические и синтаксические особенности китайского языка, а также особенности построения словосочетаний и предложений как иерархически упорядоченной структуры. Описан механизм образования простых предложений в китайском языке. Представлены различные схемы построения сложных предложений. Приведены примеры, иллюстрирующие особенности китайского языка.

Ключевые слова: современный китайский язык, фонетика, лексика, синтаксис, классификаторы, структура предложений.